

Дмитрий БЫКОВ

По опросу «Эха Москвы» Булгаков был назван главным русским писателем XX века — результат важен не для истории литературы, а для анализа нынешней аудитории. В последнее время, как всякий персонаж масскульта (в чем Булгаков, конечно, немало не виноват), автор «Мастера и Маргариты» начинает вызывать не только восторг, но и некоторый скепсис: это тоже естественно, и дело не в том, что бездари растиражировали и скопрометировали булгаковские находки в своих «мистических» романах, а в том, что слышнел застойный ажиотаж полуподпольности и перестроечный ажиотаж канонизации. Роман стал доступен анализу.

Первую попытку такого анализа предпринял Эдуард Лимонов в своей книге «Священные монстры», написанной в Лефортовской тюрьме. Главу о Булгакове опубликовал парижский журнал «Синтаксис»; с любезного разрешения его издателя и редактора М.В.Розановой перепечатываем фрагмент очерка «Булгаков льстит обывателю».

«Популярность Булгакову сделали вначале диссиденты, обожествляя все, не напечатанное при Советской власти: мол, есть такая необыкновенная книга — «Мастер и Маргарита». Слух опередил на много лет появление самого текста, почва была заранее удобрана...

За что же так безразмерно полюбил российский обыватель «Мастера и Маргариту»? Ну конечно, за московскую атмосферу: за названия московских улиц и переулков, за детали ранне-советского быта. Но только этого мало на самом деле, чтобы объяснить поистине истеричную любовь к книге. В ней есть что-то еще, что притягивает читателя-обывателя. Дело в том, что «Мастер и Маргарита», во-первых, — пародия на исторический роман. Во-вторых, это еще и плутовский роман, очень-очень напоминающий ильфо-петровские «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». В-третьих, добавлен элемент сверхъестественного, вкрапление фантастического. Смешав и встряхнув хорошенько все эти элементы, получаем очень лестную для обывателя книгу: обыватель с его бутылкой подсолнечного масла, с его жэками и прочей низкой реальностью присоединяется к высокой истории — к Понтию Пилату и Христу. Но кальсоны и масло преобладают и тянут вниз и Понтия Пилата, и Воланда, и Христа».

Подозреваю, что по большому счету Лимонов прав: «Мастер и Маргарита» действительно скорее стоит в одном ряду с романами Ильфа и Петрова (романами, по-моему, превосходными), нежели с «Фаустом» Гете или даже «Фаустом» Манна. Между Воландом и Бендером, «нехорошей квартирой» и «Вороньей слободкой» сходство в самом деле разительное. И сама неве-

роятная популярность булгаковского романа говорит о том, что вместо книги мистической и интеллектуальной перед нами книга сказочная и интеллигентская. Что по-своему тоже прекрасно — но как-то недостаточно.

Помните: расписная лестница на Патриарших, непременно цитаты в разговорах, девушки со шрамами на запястьях, рисующие либо Иешуа с огромными глазами, либо Пилата с собакой? Легкая разрешенная бесовщина, скромная дозволенная мистика на сером советском фоне. Булгаков за этот контекст, конечно, не ответчик. Я считаю «Мастера» сильным романом, в котором есть куски попросту гениальные — «печальная местность» из сна Маргариты, весь отлет с Воробьевых гор, все «Прощание и вечный приют», и «луна неистовствует» в эпилоге, и некоторые замечательные реплики типа «Догадался... Всегда был догадлив!». Очень хорош слог «Библейских глав» — что ни строчка, то алмазом. Хороша у Булгакова и душная, плотная, плотская, изобильная советская Москва, в которой, по его точнейшему выражению из дневника 1922 года, сочетаются расцвет и гангрена.

Не нравится мне только Воланд и все, с ним связанное, — и не потому, что я такой уж христианин, а потому, что слабость мировоззренческая, философическая почти всегда переходит в неубедительность художественную. У Булгакова получился не Сатана, а какой-то, я не знаю, Гафт. Он все время занимается ерундой вроде представления в Варьете или предсказания какому-то мельчайшему чело-вечку, что он, мол, умрет от рака печени. Он изъясняется пустейшими трюизмами насчет света и тьмы, устраивает дешевые трюки, тратит силы на Берлиоза — в общем, ведет себя как провинциальный фокусник, и все для того, чтобы привязать к булгаковскому роману гетевскую мораль: вот, стало быть, часть силы той, что без числа творит добро, всегда желая зла. Никакого добра тоже не сотворил — так, вернул одному хорошему писателю его рукопись и любовницу, после чего отправил всех троих (писателя, любовницу и рукопись) подальше. В отличном, нет слов, романе Булгакова самые литературные, не оккультные, а масккультные куски как раз связаны с образами Воланда и свиты — вот почему именно эти куски неизменно вдохновляли самостоятельных поэтов и художников, а всех толстых котов в интеллигентных домах прозывали Бегемотами. Да Булгаков и сам отлично понимал, какая пошлая у него получилась компания — вот почему он так чудесно их преобразил в сцене отлета. Но с Воландом ничего уже не сделаешь — он так навсегда и останется в нашем сознании не образом мирового зла и уж тем более не символом непреднамеренного добра, а стареющим селадонном, воплощением поистине сатанинской пошлости. Поразительно мелкий

Об этом романе написано столько, что, казалось бы, ничего не добавишь. Христиане его сторонятся, доморощенные московские мистики семидесятых превознесли его выше всей русской классики, для детей он стал краткой и доступной энциклопедией магии и мифологии. Противиться обаянию этого сочинения в самом деле почти невозможно. Однако некоторым удается.

МАСТЕР

Воланд и его свита в спектакле Театра на Таганке.

бес явился искушать Москву — но, может, другого она и не заслуживала?

Так вот, истоком этой слабости (которая, повторяю, никоим образом не принижает значения булгаковского романа в целом) был мировоззренческий кризис, пережитый Булгаковым в конце двадцатых. Когда в обществе начали вдруг побеждать те самые тенденции, которые он считал окончательно похороненными. Нет смысла подробно доказывать, что Булгаков был отъявленным, классическим консервативом (как почти все хорошие русские писатели). Из работ Александра Мирера (Зеркалова) «Этика Михаила

Булгакова» и «Евангелие Михаила Булгакова» следует, что наш автор откровенно симпатизировал твердой власти и полиции, в том числе тайной, и в некотором смысле разложил образ Христа на две составляющие — Пилат и Иешуа, кротость и власть; положим, это точка зрения спорная и в некотором смысле манихейская, но Мирер очень доказателен. Сталин читал булгаковский дневник, изъятый в 1926 году, и знал, до какой степени Булгаков ненавидит Троцкого и РАПповцев — этих последних русских модернистов (а ведь и Всеволод Вишневский был большой модернист — перечитайте «Оптимистическую трагедию» или

его пылкие речи в защиту Джайса). Немудрено, что вождь полюбил «Дни Турбиных»: имперская идея давно его привлекала — идея порядка, иерархии, безотносительности; в сущности говоря, разгром РАППа был погромом модерна, а вовсе не расправой с ортодоксами. Ортодоксами как раз были «попутчики», которых после этого погрома сделали классиками: Алексей Толстой в первую очередь. У Булгакова с ним немало общего — имею в виду сходства чисто литературные, а не поведенческие или политические: увлекательность, юмор, изобразительная мощь, тяга к «вкусным» подробностям... Кстати, оба хорошо попользовались Мережковским — еще одним интеллигентским кумиром и популяризатором (правда, другой эпохи); у Толстого почти без переработки использованы куски «Петра и Алексея», а Булгаков — может быть, и бессознательно, — в сцене полета Маргариты и бала многое позаимствовал из «Леонардо да Винчи».

Как явствует из дневников и писем Мастера и его Маргариты (они только что собраны «Вагриусом» в книге, замечательно составленной В. Лосевым) — Булгаков имел наив-

ность полагать, что находится в заговоре с могущественным и обаятельным злом, творящим добро помимо своей воли. На самом деле искушавший его рябой бес в гимнастерке был чудовищный пошляк и зануда, насаждавший консервативные ценности только для того, чтобы тем вернее отупить и утопить интеллигенцию, упростить и опустить страну. И триумф консерватизма должен был в итоге обернуться такой духовой, что сами консерваторы задохнулись бы первыми. К чести Булгакова, он это понял. Но понял после того, как роман был придуман и написан.

Проще всего объяснить любой не слишком восторженный отзыв о «Мастере» завистью к булгаковскому гению и его славе. Но времена таких ярлыков (распространенных в интеллигентской среде ничуть не менее, чем в партийной печати), мне кажется, прошли. «Мастер и Маргарита» остается одной из лучших книг, написанных по-русски в XX веке, — и памятником одного из самых опасных заблуждений, которое с этим веком, надеюсь, отошло в прошлое. Оно, конечно, верно: никогда ничего не просите у тех, кто сильнее вас. Придут и сами все дадут. Остается добавить: но и тогда не берите. ■

Таковыми увидел героев романа кинорежиссер Юрий Кара. Съёмки фильма были завершены в 1993 году, но на экраны он так и не вышел из-за скандала с продюсерской фирмой «ТАМП»

Воланд — Валентин Гафт

Мастер — Виктор Раков

Маргарита — Анастасия Вертинская

Булгаков Михаил

4.01.2002